

Чжоу Фу утверждал, что прибыл из эпохи Великого Юя. В то же время в памяти Меча, Влекущего Тень, упрямо всплывал образ юноши, до странности похожего на Шэнь Цинчжоу, который когда-то сопровождал великого правителя.

Судя по тому странному, едва ли не благоговейному отношению, которое выказывал Чжоу Фу, тот наверняка знал прежнего юношу лично.

Скорее всего, их связывали узы куда более прочные, чем простая дружба, раз теперь Чжоу Фу безропотно подчинялся Шэнь Цинчжоу, стоило лишь взглянуть на его лицо.

Шэнь Цинчжоу затаил дыхание, ожидая ответа.

Чжоу Фу медленно поднял голову. В его глубоком, утомленном взгляде пронеслись бесконечные эпохи — в этой бездне угасало само время, оставляя лишь горький осадок, природу которого Шэнь Цинчжоу пока не мог разгадать.

— Прости меня, А-Чжоу, — прошептал Чжоу Фу.

Его голос звучал так зыбко и глухо, словно доносился из тумана. Если бы не имя, Шэнь Цинчжоу решил бы, что собеседник говорит сам с собой.

Но прежде чем Шэнь Цинчжоу успел вставить слово, Чжоу Фу заговорил быстрее, торопливо выпевая слова заклятия:

— Меж гор кружить, взлетая к вышине,

Блуждать впотьмах и тосковать о дне.

Очнуться в полночь, сбросив чары сна,

Где капли мерно бьют у западного окна!

— Что?.. Нет, постой!

Внезапный всплеск духовной энергии заставил Шэнь Цинчжоу сообразить: это заклинание изгнания. Его бесцеремонно вышвыривали из чужого разума, и противопоставить этой древней магии ему было решительно нечего.

Преодолея навалившуюся тяжесть, он рванулся вперед, сию секунду прервать пассы Чжоу Фу, но чужая воля уже намертво сковала его сознание.

Шэнь Цинчжоу с бессильной яростью посмотрел на застывшего напротив мужчину. Тот ответил ему прямым, непривычно мягким взглядом.

Лицо Чжоу Фу разгладилось, лишившись своей пугающей, неземной холодности. В этот миг он походил на вековой валун, чьи острые грани наконец-то стесало упрямое течение реки.

— Прости.

— Но лгать тебе я не стану.

Миг — и силуэт Шэнь Цинчжоу растаял серой дымкой, бесследно растворившись в пустоте.

Чжоу Фу устало прикрыл глаза. Иллюзорный мир с грохотом осыпался прахом, а за тысячи ли оттуда, в уединенной спальне на острове Мосин, Шэнь Цинчжоу резко сел на постели, тяжело дыша и обливаясь холодным потом.

«Какая глупость!»

Он вытер лоб широким рукавом ночной рубахи. Каким бы покладистым и кротким ни казался Чжоу Фу, не стоило забывать: перед ним — древний практик, переживший тысячелетия. Пользуясь его безграничным терпением, Шэнь Цинчжоу раз за разом переступал черту, и это было верхом безрассудства.

Что ж, пускай это послужит ему уроком.

Нащупав на покрывале плотные, шершавые листы бумаги, Шэнь Цинчжоу озадаченно замер.

Похоже, магия Чжоу Фу не позволяла переносить физические предметы в мир грез. Книги, которые они читали ночью, были сотканы непосредственно из его собственного разума. Мысль об этом принесла слабое утешение — значит, ночная вылазка не прошла даром.

Вглядываясь в густую темноту спальни, Шэнь Цинчжоу пытался выстроить картину воедино, как вдруг его осенила догадка. Он мгновенно напрягся и окаменел.

«Постойте-ка...»

«Если те фолианты возникли лишь благодаря моей собственной памяти и воображению, то как быть с романами, которые я стащил из лавки, даже не заглянув внутрь? Неужели Чжоу Фу, открыв их, обнаружил лишь девственно чистые страницы?»

Шэнь Цинчжоу подтянул колени к груди, обхватил их руками и с тихим стоном стыда зарылся

лицом в мягкое одеяло.

— Дядюшка Куньюй, что с вами? Не выспались? — поинтересовался Тань Ци, проходя мимо стола с охапкой исторических хроник, которые Шэнь Цинчжоу только что вернул.

— Вроде того, — вяло отозвался Шэнь Цинчжоу.

Его веки припухли, а в уголках глаз полопались мелкие сосуды. Уснуть после внезапного пробуждения так и не удалось, а при его ничтожном уровне самосовершенствования хроническое недосыпание мгновенно сказывалось на телесной оболочке.

От природы светлая кожа сейчас казалась болезненно-прозрачной, губы утратили всякий цвет, а в складке между бровей залегла глубокая тень. И пускай Шэнь Цинчжоу не обладал женственной, слащавой красотой, его изможденный вид сейчас невольно вызывал жалость.

— Может, заварить вам кофе?.. Ой, то есть я хотел сказать — не желает ли почтенный дядюшка испить свежего чаю? — угодливо засуетился Тань Ци.

Шэнь Цинчжоу смерил его долгим утомленным взглядом, пропустив неуклюжую попытку замаять оговорку мимо ушей.

— Ко... фе? Это еще что за снадобье?

— Э-э... — Тань Ци прикусил язык и боком отступил на пару шагов, лихорадочно соображая, как перевести тему. — Да так, ерунда... Я сейчас, мигом организую чайничек, ха-ха!

— Стоять, — негромко приказал Шэнь Цинчжоу. Он сухо постучал пальцами по деревянной столешнице. Голос прозвучал отчетливо и холодно, точно капли родниковой воды, бьющие о камень.

Тань Ци послушно замер и вытянулся в струнку, словно бамбуковый шест.

«Я не боюсь, — упрямо оправдывался он перед самим собой. — Это просто проявление заботы о немощном больном».

Знай Шэнь Цинчжоу, всегда отличавшийся гордостью и нестигаемым нравом, что из-за обычной бессонницы его записали в разряд калек, он вряд ли оценил бы подобное великодушие.

— Скажи мне, — медленно заговорил Шэнь Цинчжоу, — если бы... чисто теоретически... кто-то из глубокой древности обладал точно таким же лицом, как у тебя, кем бы вы приходились друг другу?

За последние дни он успел сполна оценить эксцентричность и живость ума этого лже-Тань Ци. Возможно, этот чужак сумеет взглянуть на загадку под совершенно иным углом.

Тань Ци склонил голову набок, призадумался и неуверенно предположил:

— Может... я его реинкарнация? Ну, то есть, перерождение?

Вместо ответа Шэнь Цинчжоу опустил взгляд на заваленный бумагами стол, порылся в купе книг и, выудив тонкую брошюру, молча протянул ее юноше.

Тань Ци недоуменно принял подарок, глянул на обложку и обомлел.

На пожелтевшем переплете каллиграфическим, уверенным почерком было выведено название: «Трактат о ложности учения о реинкарнации».

— Э-э... — выдавил Тань Ци. — И что это значит?

— Это значит, что сказки о перерождении душ давно опровергнуты, — ровным тоном пояснил Шэнь Цинчжоу. — После кончины дух человека задерживается в подлунном мире от силы на семь дней. Если за это время он не обретет новоеместилище, его ждет лишь одно — бесследное растворение между небом и землей.

— А если подготовить новое тело заранее? — не унимался Тань Ци.

— И почему я только сейчас замечаю в тебе задатки беспринципного чернокнижника? — Шэнь Цинчжоу одарил его предостерегающим взглядом. — По-твоему, сосуды, способные удержать чужую душу, валяются на дороге? Или ты спишь и видишь, как бы прибрать к рукам чужую плоть?

Вспомнив, как его самого недавно обвинили в незаконном завладении чужим телом и едва не вытряхнули душу при помощи техники изгнания духов, Тань Ци похолодел. Он поспешно замахал руками и подобострастно заулыбался.

— Что вы, что вы! Я бы никогда... Боже упаси!

Забрав трактат обратно, Шэнь Цинчжоу небрежно махнул рукой, отпуская его.

Тань Ци резво отбежал к выходу, но у самых дверей замялся, обернулся и спросил:

— Так какой чай заварить, дядюшка Куньюй?

— «Луну над горой Фу», — бросил Шэнь Цинчжоу, не поднимая головы.

«Ни разу о таком не слышал. Видимо, здешний эксклюзивный сорт», — смекнул Тань Ци и деловито уточнил:

— А где лежит заварка?

— На верхнем ярусе, в крайнем левом шкафу. Выдвинешь второй ящик — там глиняный горшочек с изображением душистой травы сюнь.

Тань Ци замялся.

— С какой... травой?

Сложно признаться, но он понятия не имел, как выглядит эта таинственная трава сюнь.

Заметив на его лице крайнюю степень замешательства, Шэнь Цинчжоу со вздохом добавил:

— У этой травы четырехгранный стебель... Впрочем, неважно. Неси любую банку, какую найдешь.

— Четырехгранный стебель! Понял, найду! — Тань Ци так и подпрыгнул, внезапно загоревшись азартом в совершенно пустяковом деле. — Уж поверьте, дядюшка, сегодня вы обязательно испьете своей «Луны»!

Глядя вслед уходящему с видом героя-победителя юноше, Шэнь Цинчжоу прижал ладонь к лицу. Он всерьез усомнился в собственных выводах.

«И этот растяпа действительно способен навредить нашему клану?»

Хотя, пожалуй, торопиться с выводами не стоило. Разрушить устои великого дома Тань Ци, может, и не сумеет, но вот выставить семью Цинь на посмешище перед всем светом — вполне в его силах.

На часах был едва ли час Дракона. Посетители в Тереме Черной Птицы еще не наведывались, так что Шэнь Цинчжоу вытянул чистый лист бумаги и принялся задумчиво чертить на нем какие-то закорючки.

Он потратил всю ночь, чтобы по крупицам вытащить из памяти слова заклинания, оброненные Чжоу Фу перед изгнанием.

«Скитанья среди гор, взмывая ввысь за пределы, блуждаю впотьмах, и вспять гляжу оробело... На удивление странный слог. Меньше всего это походит на сухую магическую формулу — скорее уж на поэтическую строфу».

Занеся кисть над бумагой, Шэнь Цинчжоу замер, погрузившись в размышления.

В конце концов, любые вербальные формулы — лишь способ настроить разум и направить потоки ци в нужное русло. Сложные, высокоуровневые чары требуют от заклинателя ювелирной точности, и если духовному практику недостает мастерства, без верного наговора ему не обойтись.

Вспомнив колоссальный вихрь первозданной энергии, бушевавший вокруг Чжоу Фу в мире снов, Шэнь Цинчжоу невольно содрогнулся. Простым смертным не под силу даже выпустить ци за пределы меридианов, в то время как этот человек единым вздохом заставлял содрогаться небеса над великой Алтарной террасой императоров.

Увы, в тот миг Шэнь Цинчжоу не хватило сноровки. Он сумел ухватить и зафиксировать лишь вторую половину узора духовных потоков.

Удалось бы ему разгадать весь принцип циркуляции энергии в плетении Чжоу Фу, он бы без труда воссоздал обратную технику, позволяющую самостоятельно проникать в чужие сновидения.

Шэнь Цинчжоу окинул взглядом паутину линий на бумаге, разобрать которую теперь не сумел бы ни один мастер в мире, и тяжело вздохнул.

Сам он застрял на начальных ступенях духовного пути, да и тайными знаниями не владел. Кто в клане Цинь мог бы помочь ему разобраться в столь тонких материях?

Шестая старейшина? Нет, они едва знакомы, да и к тому же он совсем недавно обременял ее своей просьбой.

Сам глава клана? Тот завален государственными делами и заботами рода, тревожить его по пустякам — верх наглости.

Выходило, что рассчитывать приходилось исключительно на собственный разум.

Пока он взвешивал варианты, к его рабочему столу шустро подбежала крошечная фигура.

Гостем оказался карапуз, едва возвышавшийся над краем столешницы. Вцепившись пухлыми ручонками в лакированное дерево, он весело щурился, глядя на Шэнь Цинчжоу блестящими, как спелые сливы, глазами.

Шэнь Цинчжоу отложил кисть и мягко спросил:

— А ты чей будешь, малыш?

— Прошу прощения за вторжение, господин смотритель. Это дитя со мной, — раздался вежливый голос. Чьи-то сильные руки подхватили сорванца. Мальчуган тут же обвил ручками шею своего спасителя.

Шэнь Цинчжоу поднялся навстречу вошедшему Цинь Сышэню и уважительно склонил голову:

— Рад приветствовать молодого господина Цзинчжуна.

— Я прибыл по поручению, дабы передать вам одну вещь, — с улыбкой отозвался Цинь Сышэнь.

Шэнь Цинчжоу кивком пригласил гостя в небольшую боковую комнату Терема Черной Птицы. Вскоре они устроились друг напротив друга на циновках, а принесенный мальчуган преспокойно уселся на полу неподалеку, занятый какими-то своими важными детскими делами.

— Кто этот славный малый? — Шэнь Цинчжоу с любопытством разглядывал незнакомые черты лица ребенка. В клане Цинь он такого точно не видел.

Цинь Сышэнь страдальчески вздохнул:

— Мой младший дядя по материнской линии.

Малыш, словно почуяв, что речь зашла о его скромной персоне, поднял голову и одарил Шэнь Цинчжоу обезоруживающей улыбкой.

— Дядя? — Шэнь Цинчжоу не удержался от тихой усмешки. Цинь Сышэнь был на год старше его самого, и наличие такого крошечного родственника выглядело весьма забавно.

— Увы, — Цинь Сышэнь развел руками с видом покорности судьбе. — Матушка гостила у родни, и этот проказник устроил настоящую бурю, требуя взять его с собой на остров Мосин. Будто резиденция нашего великого клана — ярмарочный балаган! С первыми лучами солнца поднял крик, требуя прогулки. Пришлось вести его к вам.

— Вы упомянули, что принесли подарок? — мягко перевел тему Шэнь Цинчжоу.

— Ах да, чуть не забыл, — спохватился Цинь Сышэнь. Он запустил руку в широкий рукав и извлек изящный футляр из светлого нефрита. — Дедушка узнал, что я собираюсь навеститься в Терем Черной Птицы, и велел передать это лично в ваши руки. Он подчеркнул, что сие даяние — воля самого главы клана.

Шэнь Цинчжоу вежливо поблагодарил его за труды и бережно опустил шкатулку на низкий столик.

Еще тогда, в Зале Взаимной Благодарности, когда они отбирали подношения для поместья Чистой Святости, Цинь Жуй обмолвился, что защитные амулеты из древесины диу перейдут в ведение Терема Черной Птицы. Очевидно, мастер как раз закончил работу над тремя заветными талисманами.

— Смотрю, господин смотритель ничуть не удивлен? — прищурился Цинь Сышэнь, мягко улыбаясь. — А вот я, признаться, изрядно изумился, когда принимал поручение.

— Отчего же? — отозвался Шэнь Цинчжоу.

Он выпалил вопрос быстрее, чем успел подумать. В груди Шэнь Цинчжоу неприятно екнуло — он совершил оплошность.

— Ну как же, — вкрадчиво протянул Цинь Сышэнь, многозначительно кивнув на шкатулку. — Не каждый день глава клана выказывает столь трогательную заботу о смотрителе архива. Вчера вы обрели легендарный меч, сегодня — новое щедрое подношение. Менее чем за двое суток вы получили столько милостей, что у любого невольно разыграется зависть.

Он шутливо вздохнул, состроив обиженную мину, однако в глубине его глаз мелькнул холодный расчет.

Шэнь Цинчжоу в ответ лишь беззаботно улыбнулся:

— Премного благодарен молодому господину Цзинчжуну за столь пристальное внимание к моей скромной персоне. Однако не могу не подивиться вашей поразительной осведомленности. О моем мече, помнится, не знал даже молодой глава клана.

Он сделал многозначительную паузу, устремив на собеседника пронзительный взгляд. Намек был более чем прозрачным: Цинь Сышэнь слишком глубоко вмешивается в дела рода, пытаясь прыгнуть выше головы законного наследника.

Это было одновременно и мягким предостережением, и прямой демонстрацией силы.

Уловив едва заметную тень, пробежавшую по лицу молодого господина, Шэнь Цинчжоу неторопливо продолжил:

— Впрочем, вы напрасно ищете здесь тайные смыслы. В этой шкатулке покоятся защитные амулеты, которые глава клана обещал передать Терему Черной Птицы для охраны наших границ. Договоренность была достигнута давно, просто мастер завершил работу только сегодня.

— Что же касается легендарного клинка... Это величайшая милость и безграничное доверие господина Цинь Жуя к моей ничтожной персоне. Я прекрасно сознаю, как недостойн подобного дара, и приложу все силы, дабы верой и правдой отплатить за столь щедрое покровительство.

Договорив, он почтительно развернулся в сторону Павильона Драгоценной Яшмы и совершил глубокий, хотя и неофициальный поклон.

— Вот оно как. Похоже, я действительно проявил излишнюю подозрительность, — рассмеялся Цинь Сышэнь, однако его взгляд остался острым и холодным, словно у высматривающего добычу ястреба.

Его резко очерченное лицо с тонкими, хищными чертами и узким разрезом глаз выдавало человека, привыкшего повелевать. Тяжелая аура превосходства, возвращенная годами признания и высокого положения, подавляла любого, кто пытался задержать на нем взгляд.

Но Шэнь Цинчжоу смотрел на него спокойно и твердо, не отводя глаз:

— Наш глава клана всегда отличался безупречной справедливостью и прямоотой. Он никогда не станет потакать любимчикам или действовать из личной прихоти.

Побывав в воспоминаниях Меча, Влекущего Тень, и узрев лик величайшего владыки Поднебесной — самого Цинь Шихуанди, Шэнь Цинчжоу находил любые попытки Цинь Сышэня казаться грозным не более чем детской забавой.

Крошечный дядя Цинь Сышэня, разумеется, не смыслил в плетении словесных интриг. Почувствовав, как воздух в комнате сгустился от невидимого напряжения, он испуганно перевел взгляд с одного взрослого на другого и поспешно прижался к плечу своего племянника.

Заметив испуг в чистых детских глазах, Шэнь Цинчжоу мгновенно растопил лед во взгляде и мягко проговорил:

— В залах Терема Черной Птицы хранится немало занимательных иллюстрированных сказок и городских преданий. Если молодой господин Цзинчжун пожелает, он может выбрать пару

свитков для развлечения своего почтенного родственника.

— Премного благодарен, господин смотритель, — вежливо отозвался Цинь Сышэнь, опуская веки, дабы скрыть за вежливой улыбкой лихорадочную работу мысли.

Хозяин Терема Черной Птицы определенно не был его врагом.

Но и верным союзником этот человек не станет никогда.

<http://bllate.org/book/18428/1790907>